В. Н. Александренко.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ
СЪ ГРАФОМЪ ГРЕЕМЪ.
1824—1841.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская улица № 13.

1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Предварительныя замѣчанія. Прибытіе кн. Ливенъ въ Лондонъ и ея знакомства. Общій очеркъ жизни и дѣятельности гр. Грея 1
ГЛАВА ВТОРАЯ. Начало дружественной переписки между Ливенъ и Греемъ. Извѣстіе о смерти Императора Александра I. Изолированное положеніе Грея. Нерасположеніе Грея къ Каннингу и его кабинету. Смерть Каннинга 6
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Кабинеты Годрича и Веллингтона. Неудачныя интриги Меттерниха 10
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Князь Полиньякъ и герцогъ Веллингтонъ 13
ГЛАВА ПЯТАЯ. Паденіе герцога Веллингтона. Графу Грею поручено составить новый кабинетъ. 15
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Польскіе эмигранты въ Лондонѣ. Переписка княгини Ливенъ съ Греемъ по поводу Адама Чарторыйскаго. 17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Отправленіе въ Петербургъ лорда Дургама и характеръ его миссіи. Виды Императора Николая . . . 21
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Назначеніе Стратфорда Каннинга посломъ въ С.-Петербургъ. Отказъ Государя принять С. Каннинга въ званіи посла. Отозваніе князя Ливена изъ Лондона . . . 23
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Послѣдніе годы переписки кн. Ливенъ съ гр. Греемъ (1834—1841) 25

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ съ графомъ ГРЕЕМЪ.

Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey edited and translated by Guy le Strange, v. I (1824—1830), II (1830—1834), III (1834—1841), London 1890—1891.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предварительныя замѣчанія. Прибытіе кн. Ливенъ въ Лондонъ и ея знакомства. Общій очеркъ жизни и дѣятельности гр. Грея.

По вѣрному замѣчанію одного изъ критиковъ Эдинбургскаго Обозрѣнія (The Edinburgh Review № 350, p. 453) недавно обнародованная переписка княгини Ливенъ съ лордомъ Греемъ представляетъ собою поразительное доказательство перемѣны, происшедшей въ теченіе „послѣднихъ пятидесяти лѣтъ въ положеніи представителей иностранныхъ державъ при великобританскомъ дворѣ и въ средѣ лондонскаго общества". Въ царствованіе Георга IV, Вильгельма IV иностранные представители (Россіи, Австріи, Франціи и Пруссіи) жили въ близкихъ отношеніяхъ къ этимъ государямъ и составляли при дворѣ ихъ излюбленное общество. Они занимали тамъ равное мѣсто съ старыми фамиліями, пользовавшимися въ странѣ наибольшимъ почетомъ и вліяніемъ, и въ свою очередь сами составляли какъ бы интегральную часть той замкнутой аристократіи, господство которой въ настоящее время составляетъ достояніе историческаго прошлаго. Отсюда понятно, почему извѣстнѣйшіе представители старыхъ аристократическихъ фамилій, попеременно смѣнявшіеся у кормила государственнаго правленія, охотно

завязывали связи съ представителями тогдашней дипломатіи (кн. Эстергази, Шатобріаномъ, кн. Полиньякомъ, барономъ Бюловымъ, Ливенами и др.), дорожили ихъ мнѣніемъ, какъ лицъ, стоявшихъ внѣ борьбы политическихъ партій, хотя и внимательно слѣдившихъ за ея ходомъ и результатами. Современные намъ дипломаты не претендуютъ на подобное вліяніе, положеніе ихъ въ обществѣ едва замѣтно, появленіе при дворѣ составляетъ пустую формальность, не имѣющую прежняго политическаго значенія.

Указанныя особенности въ положеніи прежнихъ дипломатическихъ представителей не слѣдуетъ упускать изъ виду при безпристрастной оцѣнкѣ разбираемой нами переписки, дабы не принять за интриги и инсинуаціи тѣ политическіе взгляды „русской посланницы“, которые естественно подсказывали ей собственное положеніе въ обществѣ, а затѣмъ и сознаніе чести и достоинства Россіи.

Дарія Христофоровна Ливенъ, урожденная Доротея Бекендорфъ, родилась 17 декабря 1785 года въ Ригѣ, получила воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ С.-Петербургскихъ институтовъ (состоявшемъ подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи—супруги императора Павла), и въ 1801 году вышла замужъ за графа Христофора Ливена[1]). Въ концѣ 1812 года княгиня Ливенъ прибыла въ Лондонъ вмѣстѣ съ своимъ супругомъ, смѣнившимъ еще мало извѣстнаго въ то время дипломата Поццо-ди-Борго. Пріятное и умное лицо, прекрасныя манеры и свѣтское воспитаніе быстро помогли Ливенъ завоевать симпатіи высшаго общества. Въ скоромъ времени послѣ своего прибытія въ Англію Ливенъ въ числѣ своихъ поклонниковъ могла считать многихъ выдаю-

---

[1]) Христоферъ Андреевичъ Ливенъ, сынъ генералъ-маіора Андрея Романовича Ливена и Шарлотты Карловны Поссе, родился въ 1770 (1773?) году, при Павлѣ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующее царствованіе при заключеніи Тильзитскаго мира въ 1807 году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. 22 августа 1826 года по случаю коронаціи императоромъ Николаемъ возведенъ въ княжеское россійской имперіи достоинство. Съ конца 1812 года состоялъ посломъ при великобританскомъ дворѣ, пока въ 1834 году (благодаря происканъ Пальмерстона) не былъ отозванъ и назначенъ состоять попечителемъ при наслѣдникѣ престола (буд. имп. Александрѣ II). Сопровождалъ послѣдняго въ заграничномъ путешествіи и умеръ въ Римѣ 29 декабря 1838 года. Отъ брака съ Дар. Хр. имѣлъ четырехъ, а оставилъ 2 сыновей и одну дочь.

щихся государственныхъ людей, какъ то: лорда Виллугби, герцога Сутерленда (впослѣдствіи лорда Гоуера), герцоговъ: Каннизаро и Палмеллу. Всѣ видѣли, что это была très grande dame, которая любила общество и жить въ обществѣ, интересовалась вопросами дня и находила удовольствіе въ бесѣдѣ съ государственными людьми. Замкнутая англійская аристократія приняла ее въ свою среду, и русской посланницѣ (the Russian ambassadress) удалось сблизиться съ выдающимися представителями важнѣйшихъ политическихъ партій. Правда, объ этихъ liaisons многое расказывалось въ обществѣ, и они, безъ сомнѣнія, увлекали княгиню Ливенъ далеко за предѣлы тѣхъ отношеній, въ которыя она была поставлена оффиціальнымъ положеніемъ своего супруга. Какъ бы то ни было, въ салонахъ княгини Ливенъ можно было встрѣтить людей различнаго званія, положенія и взглядовъ. У нея бывалъ и наслѣдникъ престола будущій король, Георгъ IV, и члены различныхъ кабинетовъ, постепенно смѣнявшихъ другъ друга, какъ то: Касльри, Каннингъ, герцогъ Веллингтонъ, Грей, Джонъ Россель, Эбердинъ и Голландъ. Изъ вліятельныхъ лэди можно указать на Коннингэмъ, герцогиню Іоркскую, лэди Джерсей и Куперъ, впослѣдствіи вышедшую замужъ за лорда Пальмерстона. Когда прибылъ въ Лондонъ Талейранъ, княгиня Ливенъ, несмотря на первоначальныя холодныя къ нему отношенія—какъ это часто бываетъ съ женщинами—подружилась съ нимъ подъ вліяніемъ общаго нерасположенія къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Благодаря своему такту, княгиня Ливенъ поддерживала нѣкоторое время дружественныя чисто отношенія даже съ Пальмерстономъ, пока тотъ еще не проникся мыслью, что Россія думаетъ уничтожить Турцію и угрожаетъ Англіи въ Индіи, и не сдѣлался отчаяннымъ противникомъ русскаго вліянія и могущества.

Понятенъ поэтому интересъ, какой можетъ возбуждать переписка княгини Ливенъ съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи—лордомъ Греемъ. Необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью этого человѣка, дружбу котораго княгиня такъ высоко цѣнила въ теченіе многихъ лѣтъ. Грей родился 13 марта 1764 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ извѣстной Итонской школѣ, и затѣмъ въ Кембриджскомъ университетѣ (въ коллегіи Kings college). Окончивъ университетъ, Грей, согласно старому англійскому обычаю, отправился путешествовать по Европѣ и про-

велъ около 2 лѣтъ во Франціи, Испаніи, Италіи, причемъ завязалъ обширныя знакомства въ придворныхъ сферахъ этихъ государствъ. Въ 1786 году Грей былъ избранъ въ члены палаты общинъ въ качествѣ депутата отъ Нортумберлендскаго графства, въ которомъ были расположены родовыя имѣнія Греевъ. Въ своемъ извѣстномъ Maiden Speech, произнесенномъ 21 февраля 1787 года, Грей выступилъ противникомъ международной политики Питта по поводу заключеннаго имъ торговаго договора съ Франціей. Авторитетъ Питта, правда, остался непоколебленнымъ, но своимъ краснорѣчіемъ Грей обратилъ на себя вниманіе палаты. Съ этого времени Бёркъ и даже Питтъ стали питать къ нему уваженіе и признавать его способности. Послѣ смерти Питта въ кабинетѣ Фокса Грей былъ первымъ лордомъ адмиралтейства, а послѣ смерти Фокса (13 сентября 1806 г.) Грей былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ ноябрѣ 1807 года онъ унаслѣдовалъ отъ отца родовое помѣстье—Гоуикъ, графское достоинство и затѣмъ мѣсто въ палатѣ лордовъ. Теплое участіе, какое принималъ Грей въ судьбѣ несчастной королевы Каролины, пріобрѣло Грею расположеніе націи и нелюбовь Георга IV, и только послѣ его смерти Грею удалось стать во главѣ администраціи. Съ 22 ноября 1830 года и до середины 1834 г. графъ Грей былъ главою того кабинета[1]), которому суждено было осуществить великое дѣло избирательной реформы и провести извѣстный билль (Reform Bill) 1832 года. Эта важная законодательная реформа, объ осуществленіи которой Грей мечталъ еще въ молодости, сдѣлала популярнымъ имя Грея въ странѣ, но въ то же время создала ему опасности, которыхъ онъ прежде не предусматривалъ. Новый законъ параллельно съ ученіями утилитаріанистовъ открывалъ въ убѣжденіяхъ народныхъ массъ перспективы болѣе свѣтлаго будущаго, пробуждалъ ожиданія дальнѣйшихъ реформъ политическаго и общественнаго строя и укрѣплялъ надежды на возможность болѣе обезпеченнаго матеріальнаго благосостоянія. Грей не осуществилъ народныхъ ожиданій. До конца жизни оставался онъ умѣреннымъ вигомъ, не желавшимъ идти на ком-

---

[1]) Имена, наиболѣе популярныя въ странѣ, вошли въ составъ этого кабинета. Брумъ былъ назначенъ лордомъ канцлеромъ, Мельборнъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, Пальмерстонъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ.

промиссъ съ крайними торіями, группировавшимися вокругъ Пилля и Батгорста, или крайними радикалами въ родѣ Оконелля. Кромѣ того его кабинетъ носилъ коалиціонный характеръ, онъ состоялъ изъ людей различныхъ оттѣнковъ, имѣлъ талантливыхъ представителей въ палатѣ лордовъ, но былъ слабъ въ палатѣ общинъ, а здѣсь оппозиціей руководилъ способный Пилль—этотъ дамокловъ мечъ для кабинета Грея. Первый послѣреформенный [1]) парламентъ собрался 29 января 1833 года. Въ немъ Грей, стоя еще на прежнемъ пути реформъ, проводитъ отмѣну невольничества въ колоніяхъ, улучшаетъ положеніе англиканской церкви въ Ирландіи и исправляетъ недостатки крайне устарѣвшаго законодательства о бѣдныхъ. Но не далѣе, какъ 15 февраля т. г. палата лордовъ, по настояніямъ Грея, вотируетъ репрессивный билль для умиротворенія Ирландіи, черезъ недѣлю билль переходитъ въ палату общинъ и 2 апрѣля, получивъ королевскую санкцію, становится закономъ. Съ принятіемъ крайнихъ мѣръ даже прежніе сторонники Грея стали замѣчать сдѣланный имъ поворотъ вправо, такъ думалъ по крайней мѣрѣ лордъ Дургамъ. Вліяніе лорда Грея на товарищей уменьшилось, во внѣшней политикѣ царствовалъ Пальмерстонъ, внутри страны начинаютъ обнаруживаться признаки недовольства, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и прежнее общественное довѣріе. Въ маѣ 1834 года Грея покидаютъ его старые товарищи (Стенлей, Грагамъ, Рипонъ и Ричмондъ) и выходятъ изъ кабинета. 9 іюля Грей сложилъ съ себя званіе премьера и уступилъ свое мѣсто Мельборну. Съ конца 1836 года Грей удалился въ частную жизнь, очень рѣдко появлялся при дворѣ, рѣдко посѣщалъ засѣданія палаты лордовъ и по большей части, окруженный многочисленною семьей, проводилъ время въ Гоуикѣ, въ своемъ родовомъ помѣстьѣ въ Нортумберландѣ [2]). На всѣхъ, кто ни встрѣчался съ Греемъ въ обществѣ, онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Вотъ какъ характеризуетъ его Гизо, впервые познакомившійся съ лордомъ Греемъ у лорда Лэнсдоуна. „Мнѣ необыкновенно понравились—говоритъ онъ—его фигура, акцентъ, манеры; внѣшній видъ гордый, полный достоинства и спокойствія; потухшій взоръ очей, оживляющійся всякій разъ, когда что-либо его интересовало, остатки молодой красоты, сохранившіеся подъ уныло-

[1]) Билль получилъ королевскую санкцію 7 іюня 1832 года.
[2]) Умеръ на 82 году жизни 17 іюля 1845 года.

грустнымъ покровомъ старости“ [1]). При всемъ этомъ Грей не былъ чуждъ и нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей: онъ любилъ власть и былъ тщеславенъ, и тѣ, кто часто видѣлся съ нимъ и умѣлъ подмѣтить слабыя стороны его характера, легко могли повелѣвать имъ. Это знала княгиня Ливенъ, этого очень опасался Пальмерстонъ.

Обнародованная переписка Грея съ княгиней Ливенъ начинается письмомъ княгини Ливенъ отъ 3 сентября 1824 года и оканчивается письмомъ Грея къ княгинѣ, помѣченнымъ 19 августа 1841 года. Послѣ смерти лорда Грея исполнители его завѣщенія препроводили обратно къ княгинѣ Ливенъ ея письма, оставшіяся послѣ Грея. Княгиня временно передала свои письма на храненіе герцогу Сутерлэнду, затѣмъ получила ихъ снова и въ 1847 году пересмотрѣла, дополнила ихъ, а нѣкоторыя, кажется, уничтожила. Она соглашалась на обнародованіе писемъ не ранѣе 1880 года, затѣмъ просила герцога, коему вручила и свои письма, и письма къ ней Грея, не разрѣшать никому знакомиться съ ввѣренной ему для храненія перепиской [2]). Съ 1848 года и до 1885 переписка хранилась у герцога Сутерлэнда, и въ теченіе 1885 было приступлено къ ея изданію. Письма, писанныя Греемъ, изданы безъ измѣненій, письма же княгини—переведены на англійскій языкъ съ французскаго и въ такомъ видѣ обнародованы Le Strange'мъ, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начало дружественной переписки между Ливенъ и Греемъ. Извѣстіе о смерти императора Александра I. Изолированное положеніе Грея. Нерасположеніе Грея къ Каннингу и его кабинету. Смерть Каннинга.

До 1823 года княгиня Ливенъ поддерживала съ Греемъ чисто свѣтское знакомство [3]), съ слѣдующаго года между ними завязывается друже-

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps par M. Guizot, t. 5, p. 47 (ed. 1862). Гизо видѣлъ Грея, будучи посломъ въ Лондонѣ, въ серединѣ 1840 года.

[2]) См. письмо княгини отъ 10 января 1848 г. изъ Парижа, въ которомъ она писала: J'insiste, plus que jamais, que ce soit vous seul, et la Duchesse, qui les lisiez. Votre discrétion et votre amitié pour moi sont mes garanties et vous verrez en lisant à quel point l'absolue discrétion m'est nécessaire.

[3]) A mere drawing-room acquaintance, см. E. R. № 350, p. 454.

ская переписка, безпрерывно продолжающаяся въ теченіе многихъ лѣтъ и затрогивающая важнѣйшіе политическіе вопросы дня. Съ живѣйшимъ участіемъ княгиня слѣдитъ за ходомъ несчастной борьбы Грековъ съ Турками, внутренними междоусобіями въ Испаніи и Франціи и направленіями внѣшней политики Сентъ-Джемскаго кабинета, коей руководилъ талантливый Георгъ Каннингъ. Въ письмѣ отъ 10 октября 1824 года Ливенъ сообщаетъ Грею о пріѣздѣ въ Лондонъ графа Ожаровскаго, присланнаго отъ императора Александра I выразить его благодарность англійскому королю (Георгу IV) за посредничество въ рѣшеніи греческаго вопроса. Смерть однако отняла у Россіи Благословеннаго прежде, чѣмъ успѣлъ онъ покончить съ этимъ труднымъ дѣломъ. Письмо княгини Ливенъ изъ Брайтона 27 (15) декабря (1825 года) свидѣтельствуетъ о той глубокой скорби, съ какою встрѣтила это извѣстіе[1]) княгиня. „Во всей Англіи вы одни, дорогой милордъ, поняли мою печаль. Ваши выраженія глубоко трогаютъ меня..... Благодарю васъ за ваши симпатіи и за форму, въ которой онѣ выражены... Императоръ Александръ былъ наилучшимъ изъ государей—наиболѣе гуманный, благородный и справедливый изъ людей. Въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго самодержавнаго правленія (of absolute power) онъ пользовался этой властью только для того, чтобы дѣлать добро. Его память будетъ благословляема долгое время, пока существуетъ русскій народъ... Подробности о смерти императора, взятыя изъ Étoile—вѣрны. Къ г. Ливену прибылъ курьеръ изъ Петербурга, выѣхавшій оттуда 9 декабря, и привезъ ему депеши съ тѣми же сообщеніями. Я получила кромѣ того письмо отъ моего сына, адресованное ко мнѣ изъ императорскаго дворца. Онъ прибавляетъ только, что императоръ находился въ состояніи сна въ теченіе трехъ послѣднихъ дней жизни, и произнесъ всего нѣсколько словъ, и то съ большими перерывами. Онъ тихо скончался и при полномъ сознаніи.....“.

Грей соглашался съ Ливенъ въ оцѣнкѣ личныхъ свойствъ императора Александра, онъ былъ убѣжденъ также, что счастье Россіи, ея благосостояніе и могущество значительно возросли въ его управленіе, но Грей не одобрялъ внѣшней политики покойнаго императора по отноше-

---

[1]) Александръ I умеръ, какъ извѣстно, въ Таганрогѣ 19 ноября (1 декабря) 1825 года.

нію къ другимъ государствамъ Европы. Въ своихъ письмахъ Грей просилъ сообщить ему нѣкоторыя подробности, касавшіяся восшествія на престолъ императора Николая, но письма княгини въ этомъ отношеніи не отличается полнотою свѣдѣній и не представляютъ особаго интереса. Съ ноября 1826 года лордъ Грей удалился въ свое помѣстье—Гоуикъ, и живя тамъ, въ деревенской тиши, издали слѣдилъ за борьбою партій въ столицѣ. Легко понять, насколько интересны были для Грея сообщенія княгини, вращавшейся въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, среди представителей различныхъ партій. Кабинетомъ въ то время управлялъ малоспособный лордъ Ливерпуль [1]). Въ концѣ февраля 1827 г. въ Лондонѣ стало извѣстнымъ, что Ливерпуль безнадежно боленъ, и лежитъ разбитый параличемъ. Король съ горестью узналъ эту вѣсть. Возникалъ вопросъ, кто будетъ первымъ министромъ Англіи. Въ числѣ кандидатовъ называли Пилля, Батгорста, Веллингтона и Каннинга. Пилля и Веллингтона не хотѣли виги, противъ Каннинга былъ король и торіи. Живя въ деревнѣ, Грей желалъ знать отъ княгини положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе ему было извѣстно, что Ливены почти каждую недѣлю бывали при дворѣ. „Я довольно долго поджидалъ письма отъ васъ—пишетъ онъ Ливенъ 14 марта. Прошу васъ сообщить мнѣ, что́ новаго, о чемъ, я убѣжденъ, вы лучше освѣдомлены, чѣмъ кто-либо другой. Какой будетъ результатъ ссоры нашихъ кошекъ и собакъ.... Кто въ этомъ случаѣ будетъ премьеромъ? Я утверждаю: *только не* Каннингъ“. Ливенъ съ охотностью исполняетъ просьбу Грея въ письмѣ отъ 17 марта. „Я сообщу вамъ, что *говорятъ*, затѣмъ скажу то, что *знаю*, и наконецъ то что я *думаю*.

Говорятъ, что крайніе торіи питаютъ большія надежды. Они желаютъ удалить Каннинга и самимъ управлять. Лордъ Лодердаль, какъ передаютъ, убѣждаетъ даже торіевъ въ томъ, что у нихъ есть всѣ способности для подобнаго дѣла, въ особенности, если только они изберутъ его (т. е. Лодердаля) своимъ главою.

Я знаю, что король не сообщалъ еще своихъ желаній на этотъ счетъ никому изъ своихъ министровъ. Вопросъ будетъ обсуждаться въ

---

[1]) Графъ Ливерпуль родился 7 іюня 1770 г., по личнымъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ партіи крайнихъ консерваторовъ, но въ его кабинетѣ, носившемъ коалиціонный характеръ, были представители и болѣе свѣтлаго образа мыслей. Былъ премьеромъ съ 1812 года, умеръ 4 декабря 1828 года.

теченіе праздниковъ Пасхи. Каннингъ относится къ этому спокойно и пассивно; герцогъ Веллингтонъ остается невозмутимымъ и совершенно безпристрастнымъ.

Я думаю, что управленіе не можетъ идти далѣе впередъ безъ Каннинга, и что онъ останется или главою кабинета, или руководящимъ геніемъ правительства". Въ дѣйствительности предсказанія русской посланницы оправдались, и не далѣе, какъ 10 апрѣля того же года, король поручилъ Каннингу составить кабинетъ. Не встрѣтивъ поддержки среди торіевъ, съ коими давно уже расходился Каннингъ по своимъ убѣжденіямъ, Каннингъ обратился къ вигамъ и изъ нихъ составилъ кабинетъ. Грей не былъ въ числѣ членовъ кабинета, и въ своей рѣчи, произнесенной 10 мая въ палатѣ лордовъ, жестоко нападалъ на Каннинга. Это различіе взглядовъ Грея и Ливенъ въ высшей степени интересно, оно вытекало изъ противоположнаго пониманія и оцѣнки внѣшней политики Каннинга [1]). Какъ извѣстно, главная заслуга и особенность его иностранной политики заключались въ томъ, что онъ разорвалъ связи съ традиціями Священнаго Союза, и въ противоположность Касльри и Веллингтону Каннингъ отрѣшился отъ рабскаго подчиненія Меттерниху. Онъ оказывалъ нравственную и матеріальную помощь грекамъ и привѣтствовалъ образованіе самостоятельныхъ государствъ въ южной Америкѣ. Грей не вѣрилъ въ освободительныя начала политической системы Каннинга, для него Каннингъ являлся политическимъ авантюристомъ, узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ защиту политической свободы—это наслѣдіе аристократическихъ фамилій Англіи. Ливенъ же вѣрила въ искренность убѣжденій Каннинга и уважала его способности. „Въ то время, какъ я пишу, говоритъ Ливенъ въ своемъ письмѣ къ Грею 7 августа 1827

---

[1]) Родился 11 апрѣля 1770 года въ бѣдной семьѣ лондонскаго адвоката. На второмъ году жизни лишился отца. Благодаря матеріальной поддержкѣ своего дяди—купца Стратфорда Каннинга (отца извѣстнаго дипломата—лорда Редклифа) былъ замѣщенъ въ Итонскую школу, а по окончаніи ея поступилъ въ Оксфордскій университетъ (въ коллегію—Christ-Church). Будучи еще студентомъ, обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями и краснорѣчіемъ, подружился съ Дженкинсономъ (лордомъ Ливерпулемъ—впослѣдствіи) и познакомился съ Питтомъ Младшимъ. Съ 25 марта 1807 года въ теченіе двухъ лѣтъ управлялъ иностранными дѣлами—въ качествѣ статсъ-секретаря—въ кабинетѣ Портлэнда. Послѣ смерти Касльри К. снова сдѣлался статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ съ 12 сентября 1822 года.

года—быть можетъ Каннингъ уже оставилъ этотъ міръ. Я думала, хотя и не увѣрена въ томъ, что вы, несмотря на различіе политическихъ взглядовъ, пожалѣете о жизни человѣка столь талантливаго (so gifted) и преждевременно угасшаго... У него было доброе сердце... Проповѣдники[1]) воспоютъ побѣдный гимнъ. Было бы смѣшно, если бы и вы приняли участіе въ этомъ хорѣ".

Каннингъ умеръ 8 августа 1827 г. Вѣсть о его смерти пронеслась печальнымъ эхомъ отъ равнинъ Архипелага и до высотъ Кордильеровъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кабинеты Годрича и Веллингтона. Неудачныя интриги Меттерниха.

Послѣ Каннинга кабинетъ составился подъ главенствомъ нерѣшительнаго и безхарактернаго Годрича[2]) (лорда Рипона), полагавшаго, что Каннингъ слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ соглашеніи съ Россіей по поводу греческаго вопроса. „Греческое дѣло" оставалось нерѣшеннымъ. Въ серединѣ августа того же 1827 года въ Лондонъ прибылъ графъ Іоаннъ Каподистрія съ цѣлью заручиться поддержкой англійскаго кабинета на томъ трудномъ посту, на который призывало его рѣшеніе отечественнаго народнаго собранія[3]). Такое обращеніе къ Англіи со стороны Каподистріи было совершенно естественнымъ дѣломъ. Несочувствуя демагогическимъ стремленіямъ своихъ патріотовъ, Каподистрія желалъ найти легальную точку опоры для установленія будущихъ отношеній Греціи къ Турціи въ томъ международномъ актѣ, который сообща былъ подписанъ Россіей, Англіей и Франціей [27 іюня (6 іюля)]. Онъ, однако, ошибся

---

[1]) The Apostolics (т. е. кабинеты, слѣдовавшіе указаніямъ Меттерниха) will sing a paean of victory.

[2]) „Несчастная звѣзда, говоритъ Грей, возвела его на такое положеніе, занимать которое онъ былъ совершенно не способенъ", Cor. I, 100. Джонъ Робинзонъ виконтъ Годричъ, графъ Рипонъ, род. 1 ноября 1782 г, первоначальное воспитаніе получилъ въ Harrow'скомъ училищѣ, въ которомъ одновременно съ нимъ учились также Пилль, Пальмерстонъ и Байронъ. Окончивъ училище, Г. поступилъ въ Кембриджскій университетъ, въ коллегію св. Іоанна. Въ кабинетѣ Каннинга Г. былъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ колоній, а послѣ его смерти до 8 января 1828 года былъ премьеромъ кабинета.

[3]) По предложенію старца Колокотрони Каподистрія былъ избранъ народнымъ собраніемъ въ Трезенѣ правителемъ Греціи на 7-лѣтній срокъ.

въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Англіи Каподистрію встрѣтили холодно, ему дали понять, что здѣсь не желали поддерживать русское вліяніе въ Греціи, и что даже отчасти эта цѣль и имѣлась въ виду при заключеніи указаннаго договора[1]). Въ Англіи не вѣрили даже въ искренность намѣреній Каподистріи[2]). Напрасно Ливенъ старалась убѣдить Грея, что Каподистрія—какъ горячій и просвѣщенный патріотъ—имѣетъ въ виду прежде всего интересы своего отечества. Грей скептически относился къ увѣреніямъ княгини[3]) и выражалъ лишь одно желаніе—видѣть Грецію независимою[4]). Питая платоническія симпатіи къ грекамъ и презрѣніе къ турецкому владычеству, Грей былъ противникомъ рѣшительныхъ мѣръ, въ особенности, еслибы таковыя исходили отъ петербургскаго кабинета. Когда въ Англію пришло извѣстіе о Наваринской битвѣ, Грей выражалъ свое сожалѣніе по поводу этого событія. Въ этомъ отношеніи Грей раздѣлялъ взгляды торіевъ, называвшихъ Наварское дѣло untoward event[5]). Княгиня Ливенъ правильнѣе Грея понимала ходъ событій и въ настойчивомъ упорствѣ Турціи справедливо подозрѣвала козни Меттерниха.

Въ началѣ 1828 года въ Англіи достигли власти „любезные торіи", по выраженію Меттерниха. Во главѣ кабинета сталъ герцогъ Веллингтонъ—этотъ старый знакомый австрійскаго канцлера. „Какъ я слышу, пишетъ Грей къ Ливенъ 16 января—Эстергази сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бѣгаетъ по городу, подобно бѣшенной кошкѣ". Грей торжествовалъ паденіе кабинета Годрича, онъ не вѣрилъ также и въ прочность кабинета Веллингтона[6]) и вѣроятно, въ душѣ своей ле-

---

[1]) The Greville Memoirs I, 116: sept. 15: J have been with Huskisson for a week in the country. Capo d'Jstria was there, going to Greece. Huskisson told me he wanted money. He owned to me that he considered Greece as a grant humbug. J discovered from what he said that *they only interfered that they might keep the Russians quiet* and prevent a war between Russia and Turkey.

[2]) См. предш. прим.

[3]) J must view with considerable jealousy any arrangement, which may have a tendency to place Greece in a state of dependency on Russia. Письмо къ Ливенъ отъ 2 сентября.

[4]) Письмо отъ 28 сентября.

[5]) E. Ashley, The life and correspondence of viscount Palmerston I, 115 (ed. 1879).

[6]) Если вѣрить Гревиллю, противъ герцога Веллингтона интриговала княгиня Ливенъ, но несовсѣмъ удачно. In the midile of all this (Г. разска-

лѣялъ мысль, что рано или поздно ему придется, подобно древнему Цинцинату, выступить спасителемъ отечества. Изъ деревенской тиши своего Гоуика Грей слѣдилъ и за ходомъ русско-турецкой войны, получая отъ Ливенъ подробныя сообщенія о движеніи и успѣхахъ русской арміи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею княгиня раскрываетъ передъ лордомъ фальшивую игру меттерниховской политики. Какъ извѣстно, война была начата съ недостаточными силами, и турки оказали упорное сопротивленіе. И вотъ, осенью 1828 года, „прежде, чѣмъ сдалась Варна, австрійскій кабинетъ, преувеличивая—какъ ему это угодно было называть—наши бѣдствія, обратился къ англійскому правительству съ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ Франціей съ цѣлью принудить Россію заключить миръ. Австрійскій кабинетъ предполагалъ, что русская армія дезорганизована, рессурсы ея истощены и потому было бы весьма полезно воспользоваться существовавшимъ положеніемъ дѣлъ. Австрія бралась привлечь на свою сторону Пруссію и поручила Англіи сообщить указанный планъ Франціи и вести съ нею переговоры объ этомъ. Герцогъ Веллингтонъ соглашался съ мнѣніемъ Меттерниха, что моментъ былъ самый удобный, и поэтому немедленно открылъ переговоры съ французскимъ кабинетомъ. Но французское правительство отвѣтило, что оно никогда не вступитъ въ обязательства, имѣющія въ виду предписывать законы для Россіи. Сверхъ того, король прибавилъ, что его честь не позволила бы ему поддерживать даже мысль о подобномъ проектѣ, и въ такое время, когда армія императора терпѣла временныя неудачи. Пруссія дала отвѣтъ, что она никогда не станетъ дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи. Вотъ каковы—прибавляетъ Ливенъ—настоящіе факты этого дѣла, я воздерживаюсь отъ комментаріевъ, но вы не можете сомнѣваться, что я думаю по этому поводу“[1]). Съ наступленіемъ зимы (декабря 1828 года) Россія стала усиленно готовиться къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій, предполагая съ успѣхомъ

зываетъ о распрѣ между В. и Гескиссономъ) Madame de Lieven is supposed to have acted with great impertinence if not imprudence, and to have made use of the access she has to the King to say all sorts of things against the Duke and the present Government..... Esterhazy told me last night that allthough her position here was now greatly changed, and that it was far from being so agreable as it was, he could not accuse her of imprudence in having taken the part she had done. Mem. I, 136.

[1]) Correspondence etc. v. I, 207.

возобновить ихъ съ началомъ весны 1829 года. Меттернихъ, желая помѣшать полному торжеству Россіи, снова предложилъ свое посредничество, но потерпѣлъ по прежнему неудачу.

„Я припоминаю—пишетъ по этому поводу Ливенъ 31 декабря 1828 года—лордъ Кэсльри имѣлъ обыкновеніе называть иногда Меттерниха „a political harlequin“, и это выходило недурно“ [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь Полиньякъ и герцогъ Веллингтонъ.

Письма княгини Ливенъ за 1829 годъ бросаютъ отчасти новый свѣтъ на кабинетъ Веллингтона и его иностранную политику. 22 января княгиня пишетъ Грею:

„Князь Полиньякъ [2]) въ самое необычайное время отозванъ въ Парижъ. Онъ уѣхалъ туда третьяго дня. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ страдаетъ, повидимому, эпидемическою апоплексіей, и теперь Rayneval разбитъ параличемъ. Портфель предложенъ Полиньяку; послѣдній уѣхалъ отсюда съ твердымъ намѣреніемъ не принимать его, если только ему не позволятъ кореннымъ образомъ реорганизовать администрацію, т. е. составить кабинетъ изъ крайнихъ (Ultras). Если ему не позволятъ это сдѣлать, онъ вернется сюда обратно. Я не допускаю, чтобы во Франціи дѣла приняли оборотъ, согласный его желаніямъ. Франція совсѣмъ теперь не въ такомъ настроеніи, чтобы ею управляли крайніе (консерваторы)“.

Недѣлю спустя Ливенъ выражаетъ надежду, что можетъ быть Франціи еще удастся спастись отъ несчастья быть подъ управленіемъ Полиньяка, и, характеризуя его, Ливенъ прибавляетъ: „это наиболѣе ревностный іезуитъ, какихъ я знаю; онъ отчаянный врагъ всякаго свобод-

---

[1]) Cor. I, 215.

[2]) Августъ Юлій—сынъ герцога Полиньяка—род. 14 мая 1780 года, возведенъ въ княжеское достоинство сначала папою (въ іюлѣ 1820 года), а затѣмъ Людовикомъ XVIII. Съ 1823 г. II. состоялъ посломъ въ Лондонѣ. Его считали нѣкоторые незаконнымъ сыномъ Карла X. Ср. письмо Грея къ Ливенъ, 17 августа 1830 года: J did not know, till within these two days, that there was a belief in France that Polignac is the son of Carles X.... And J found this morning, in reading the last volume of the „Memoires of Madame du Barry“ something like a confirmation of it.

наго и просвѣщеннаго образа мыслей; онъ дѣйствительное олицетвореніе средневѣковыхъ идей".

Съ печалью узнала Ливенъ о происшедшей смѣнѣ министерства во Франціи, и что надежды ея не осуществились. „Франція—пишетъ она 11 августа[1])—теперь имѣетъ ультра-консервативное правительство, и г. Полиньякъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Я уже говорила вамъ, что это будетъ несчастіе для Европы, а теперь прибавлю, что это должно быть несчастіемъ и для Франціи и вы скоро убѣдитесь въ этомъ. Революціонныя волненія не замедлятъ явиться слѣдствіемъ такого назначенія",

Съ давнихъ поръ принято считать герцога Веллингтона причастнымъ къ назначенію князя Полиньяка главою новаго министерства. Письма Ливенъ еще разъ подтверждаютъ справедливость этого обвиненія.

„Мнѣ очень интересно было бы услышать, что скажетъ лордъ Эбердинъ[2]) по поводу событій, недавно происшедшихъ во Франціи. То, что случилось, превозошло ихъ ожиданія, то есть другими словами герцогъ Веллингтонъ можетъ быть пожалѣетъ о той роли, какую онъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не желалъ столь полной перемѣны и слишкомъ предусмотрителенъ для того, чтобы и желать ее. Тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на назначеніи и добился этого. Это фактъ, хорошо извѣстный во Франціи и молчаливо признаваемый даже и здѣсь. Послѣднее авторитетное слово отсюда было сказано въ прошлый понедѣльникъ (3 августа), согласно рѣшенію кабинета, состоявшемуся наканунѣ. Лорду Стюарту[3]) предписано было затѣмъ стараться изо всѣхъ силъ,

---

[1]) Карлъ X распустилъ палаты 31 іюля и смѣнилъ министерство Мартиньяка. Во главѣ новаго министерства сталъ Полиньякъ съ 8 августа (того же 1829 г.).

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Веллингтона (съ начала мая 1828 года).

[3]) Карлъ Стюартъ де Ротсей, извѣстный дипломатъ, былъ англійскимъ посломъ въ Парижѣ при дворѣ Людовика XVIII, затѣмъ (въ 1820 г.) назначенъ въ Бразилію. 25 августа 1825 года, слѣдуя указаніямъ Каннинга, подписалъ договоръ, коимъ Португалія признавала независимость Бразиліи. Въ январѣ 1828 г. возведенъ въ баронское достоинство и отправленъ въ Парижъ посломъ, откуда былъ отозванъ въ ноябрѣ 1830 года. Впослѣдствіи состоялъ англійскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ (съ 1841—1844 годъ).

чтобъ убѣдить короля въ необходимости немедленнаго назначенія Полиньяка главою кабинета. 8-го онъ и былъ назначенъ. Вся эта поспѣшность и послѣдовавшія представленія были вызваны извѣстіями, полученными изъ Петербурга и Вѣны. Лордъ Гейтсбюри донесъ, что мы рѣшили перейти черезъ Балканы и тогда уже заставить султана согласиться на миръ. Меттернихъ писалъ тоже самое, прибавляя, что у турокъ нѣтъ болѣе арміи для дальнѣйшаго сопротивленія. Онъ жаловался на бездѣятельность великобританскаго правительства и заявлялъ, что на будущее время онъ самъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, согласно съ обстоятельствами. Ваше правительство надѣется, что теперешнее министерство совершенно измѣнитъ (внѣшнюю) политику Франціи, что оно будетъ дружественнымъ по отношенію къ Турціи [1]) и задержитъ наше дальнѣйшее движеніе впередъ". Планы герцога Веллингтона не осуществились: Россія побѣдоносно закончила войну съ Турціей выгоднымъ для нея Андріанопольскимъ договоромъ [2 (14) сентября], а кабинетъ Полиньяка не продержался и года: его низвергла іюльская революція, и Полиньяку не удалось даже и бѣжать въ Англію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Паденіе герцога Веллингтона. Графу Грею поручено составить новый кабинетъ.

Событія во Франціи обнаружили ошибки герцога Веллингтона и усилили непопулярность кабинета торіевъ. Изъ парламентскихъ выборовъ, состоявшихся въ августѣ, герцогъ вышелъ съ потерею 50 голосовъ [2]). Брумъ [3]) и лордъ Грей готовились руководить оппозиціей:

---

[1]) Мартиньякъ (предшественникъ Полиньяка) поддерживалъ дружественныя сношенія съ Россіей и ея представителемъ въ Парижѣ—Поццо ди Борго.

[2]) Грей къ Ливенъ, 22 августа 1830: He (the Duke of Wellington) lost not less than fifty in the late elections, and his loss in public opinion is even greater than in numbers. His difficulties, therefore, will be much increased in the next session.

[3]) Баронъ Брумъ (Brougham) род. 19 сентября 1778 въ Эдинбургѣ, и учился сначала въ мѣстной гимназіи (гдѣ его товарищемъ былъ Вальтеръ Скоттъ), а затѣмъ въ университетѣ. По окончаніи университета Брумъ рѣшилъ оставить занятіе математическими науками и сдѣлаться адвокатомъ. Въ 1802 году Брумъ основалъ „Эдинбургское Обозрѣніе"—этотъ въ свое время извѣстный и вліятельный органъ либеральной оппо-

первый въ палатѣ общинъ, второй—въ палатѣ лордовъ. Герцогъ Веллингтонъ не располагалъ достаточными силами, которыя онъ могъ бы противопоставить складывавшейся противъ него оппозиціи. Къ тому-же Веллингтонъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые, подобно Каннингу, умѣли постигать духъ своего вѣка, сообразоваться съ потребностями своего времени. Подъ вліяніемъ военной славы и частаго обращенія съ подчиненными герцогъ привыкъ холодно относиться къ людямъ и не придавалъ особеннаго значенія народнымъ нуждамъ. Когда отъ увидѣлъ себя въ опасности, онъ думалъ поправить дѣло смѣною отдѣльныхъ министровъ и завязалъ по этому поводу сношенія съ Мельборномъ и Пальмерстономъ, но у каждаго изъ нихъ была своя программа дѣйствія, и никто изъ нихъ не согласился войти въ кабинетъ герцога.

2 октября (1830 г.) собрался парламентъ. Тронная рѣчь, произнесенная лично королемъ 2 ноября, указывала на тревожное положеніе дѣлъ какъ на континентѣ Европы (въ Бельгіи), такъ и въ самой Англіи. Вечеромъ того же дня Грей въ своей блестящей рѣчи обращалъ вниманіе лордовъ на „приближающійся ураганъ“ (the hurricane approaching), къ которому слѣдовало бы приготовиться. Избирательная реформа для Грея являлась якоремъ спасенія, необходимостью,—Веллингтонъ и думать о ней не хотѣлъ, видя въ ней революцію. 15 ноября при обсужденіи въ палатѣ общинъ королевскаго бюджета министерство потерпѣло неудачу. Ночью того же дня Ливенъ получила отъ Грея слѣдующую стереотипную записку: „Княгинѣ Ливенъ. Дѣленіе (голосовъ) въ палатѣ общинъ:

за министровъ - - -	204
противъ - - - - -	233
большинство оппозиціи	29

Всегда наиболѣе вамъ преданный
Г.“

зиціи. Въ Брумѣ несчастная королева Каролина нашла своего талантливаго защитника. Въ парламентѣ 1828 года Брумъ произнесъ свою извѣстную, длившуюся 6 часовъ, рѣчь, въ коей доказывалъ необходимость общей глубокой реформы законодательства. Брумъ былъ членомъ кабинета Грея, въ концѣ 1830 года возведенъ въ перское достоинство

На слѣдующій же день король пригласилъ Грея къ себѣ во дворецъ и далъ ему порученіе составить новый кабинетъ [1]).

Радость княгини не знала предѣловъ, теперь и ея положеніе упрочилось. Ей нечего было болѣе опасаться, что „пройдетъ еще немного времени, и ей быть можетъ придется навсегда оставить Англію", какъ того желали торіи и Матушевичъ [2]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Польскіе эмигранты въ Лондонѣ. Переписка княгини Ливенъ съ Греемъ по поводу Адама Чарторыйскаго.

Съ самаго начала 1831 г. временное правительство въ Царствѣ Польскомъ, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Чарторыйскій, пыталось неоднократно пріобрѣсти поддержку со стороны западно-европейскихъ кабинетовъ, въ томъ числѣ и англійскаго. Съ этой цѣлью въ январѣ пріѣхали въ Лондонъ Валевскій [3]) и маркизъ Велепольскій, а въ августѣ былъ присланъ Нѣмцевичъ [4]). „Вы узнаете—сообщаетъ Грей княгинѣ Ливенъ 25 августа—что въ Лондонъ прибылъ новый польскій депутатъ. Онъ привезъ ко мнѣ письмо отъ князя Адама (Чарторыйскаго) и просилъ видѣть меня, въ чемъ я, по моему мнѣнію, не могъ ему отказать. Въ понедѣльникъ онъ и будетъ у меня". Княгиня благодарила лорда за сообщеніе подобнаго рода свѣдѣній (она ихъ немедленно передавала въ Берлинъ и Петербургъ), но, прибавляла она, „моя признательность не

и перешелъ въ палату лордовъ, въ коей занималъ должность лорда-канцлера. Грей поддерживалъ его, боясь, чтобы Брумъ въ оппозиціи къ нему не сдѣлался главою радикаловъ.

[1]) Письмо Грея къ Ливенъ, помѣченное: Tuesday evening (Nov. 16, 1830).

[2]) Графъ Матушевичъ, чиновникъ С.-Петербургскаго министерства ин. дѣлъ. Нессельроде прикомандировалъ его къ лондонскому посольству.

[3]) Незаконный сынъ Наполеона I и польской графини Маріи Валевской. При Людовикѣ Филиппѣ получилъ натурализацію во Франціи. Въ серединѣ 1851 года (7 іюля) графъ Валевскій былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ и содѣйствовалъ заключенію англо-французскаго союза передъ крымскою войною. По окончаніи войны предсѣдательствовалъ на Парижскомъ конгрессѣ, будучи въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III.

[4]) Польскій поэтъ, бывшій адъютантъ Костюшка (въ 1794 году).

исключаетъ сожалѣнія по поводу выраженнаго вами теперь согласія на то, въ чемъ вы благоразумно сочли за лучшее отказать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ М. Велепольскому. Онъ также привезъ вамъ письмо отъ князя Чарторыйскаго. Письмо вы приняли, а подателя не удостоили аудіенціи, и, поступая такимъ образомъ, вы сообразовались съ достоинствомъ премьера Англіи и съ честью державы—союзной и дружественной къ вамъ—Россіи. Ваше положеніе такъ высоко, что по необходимости величайшая важность придается всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, и вотъ почему Императоръ, прекрасно освѣдомляемый обо всѣхъ дѣйствіяхъ польскихъ агентовъ и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ—оцѣнилъ и выразилъ свою признательность вамъ за вашу прямую и дружественную политику въ отношеніяхъ его къ полякамъ". Какъ оказалось, впрочемъ, Грей далеко не былъ такимъ сторонникомъ Россіи въ польскомъ вопросѣ, какимъ считала его Ливенъ, и княгиня даже не совсѣмъ точно передавала его взгляды императорскому кабинету [1]). Въ концѣ декабря 1831 года въ Лондонъ прибылъ еще новый депутатъ—на этотъ разъ—самъ князь Адамъ Чарторыйскій. Случайно ускользнувъ отъ русскаго плѣна, Чарторыйскій бѣжалъ въ Краковъ. Въ Австріи, благодаря содѣйствію Меттерниха, онъ получилъ подложный паспортъ (на имя Георга Гофмана), благополучно прослѣдовалъ черезъ Германію и 22 декабря (1831 года) пріѣхалъ въ Лондонъ. Передъ новымъ годомъ, т. е. 31 декабря, Чарторыйскій обѣдалъ у Грея и произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе, о чемъ Грей увѣдомилъ Ливенъ въ письмѣ отъ перваго января 1832 года. На другой же день (2-го января) княгиня, сдѣлавши изъ этого обстоятельства цѣлое событіе, потребовала объясненія у Грея. „Князь Ливенъ уже почти освѣдомленъ о той чести, какую вы оказали Чарторыйскому, пригласивъ его обѣдать въ вашемъ домѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами кабинета. Вслѣдствіе этого, мой супругъ просилъ Пальмерстона повидаться съ нимъ (т. е. съ княземъ Ливеномъ) и выражалъ желаніе сообщить лорду нѣкоторыя по этому предмету соображенія. Дорогой милордъ, этотъ человѣкъ, котораго вы, премьеръ Англіи, только что приняли со всѣми знаками дружбы и уваженія,—государственный преступникъ, изобличенный въ измѣнѣ сво-

---

[1]) Подр. см. II, 131—133.

ему Государю—тому Государю, который является другомъ и союзникомъ Англіи... И теперь, послѣ годичныхъ усилій со стороны русскаго посла сохранить, дѣйствуя вмѣстѣ съ Англіей, общій миръ Европы, неужели этотъ мятежникъ, виновный въ государственной измѣнѣ передъ своимъ Государемъ, находитъ наиболѣе лестный и ободряющій его пріемъ у главы англійскаго правительства? Дорогой милордъ, ваше состраданіе къ князю Чарторыйскому [1]) въ высшей степени гуманно, и мнѣ также жаль его, но жаль его изъ-за его ошибокъ, изъ-за того, что онъ сдѣлался виновникомъ гибели столькихъ тысячъ жизней. Однако, выражая къ нему болѣе, чѣмъ состраданіе, вы потеряли изъ виду именно то, что государственный человѣкъ отвѣчаетъ передъ обществомъ за свои поступки, и не симпатіями, и не расположеніемъ къ кому-либо онъ долженъ руководствоваться въ своемъ образѣ дѣйствія, и поэтому пріемъ, какой вы оказали князю Чарторыйскому, можетъ быть принятъ такимъ союзникомъ, какъ Россія, за оскорбленіе. Когда лордъ Грей занимаетъ должность премьера Англіи, лордъ Грей, какъ частное лицо, не существуетъ болѣе. Ваши дѣйствія являются такимъ образомъ дѣйствіями Англіи". Лордъ Грей не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. „Я получилъ ваше письмо сегодня утромъ"—пишетъ лордъ 4 января 1832 г. „Не скажу, чтобы я былъ удивленъ этимъ письмомъ, ибо сообщеніе, сдѣланное мнѣ Пальмерстономъ о его въ высшей степени странномъ разговорѣ съ княземъ Ливеномъ, подготовило меня къ его содержанію, къ моему крайнему сожалѣнію. Кому-либо другому мой отвѣтъ былъ бы очень кратокъ, ибо министръ иностранныхъ дѣлъ не уполномоченъ давать, а я принимать подобныхъ сообщеній. Но *вамъ* я не могу писать въ грубомъ, не допускающемъ возраженій тонѣ. Я убѣжденъ, что это первый случай, когда иностранный посолъ присвоилъ себѣ право сдѣлать запросъ у члена кабинета (assumed a right of questioning a member of the Government) относительно тѣхъ лицъ, которыхъ онъ можетъ приглашать къ себѣ обѣдать, и справедливости подобнаго притязанія — будьте увѣрены—я никогда не признаю. Я долженъ просить вашего позволенія напомнить вамъ о той совершенной вѣрности, съ какою этотъ кабинетъ исполнялъ всѣ свои обязанности, вытекавшія изъ объявленнаго имъ ней-

---

[1]) Въ письмѣ Грея было сказано: I cannot express to you how much I feel for him.

тралитета по отношенію къ боровшимся сторонамъ, и затѣмъ о дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи въ теченіе всего періода борьбы въ Польшѣ. Я лично въ своихъ дѣйствіяхъ съ наибольшею осторожностью слѣдовалъ этому принципу. Я по возможности избѣгалъ всякихъ сношеній съ польскими агентами въ этой странѣ, и въ частности съ княземъ Чарторыйскимъ, пока тотъ былъ членомъ правительства, и даже не заявлялъ о полученіи отъ него какихъ-либо писемъ, ко мнѣ адресованныхъ. Вы знаете, каковъ былъ образъ дѣйствія (англійскаго) кабинета, и главнымъ образомъ по моему настоянію, слѣдовавшій въ отвѣтъ на предложенія Франціи о вмѣшательствѣ. Послѣ такого опыта я, кажется, могъ бы быть свободенъ отъ того представленія, которое князь Ливенъ счелъ справедливымъ сдѣлать, и не мнѣ, а другому члену кабинета. Когда Чарторыйскій прибылъ въ эту страну, я не видѣлъ въ немъ болѣе лицо, облеченное властью (in situation of authority) или находящееся въ оппозиціи къ мирному правительству, хотя, если бы это и было такъ, я не знаю, почему я не долженъ былъ бы оставаться вообще вѣжливымъ по отношенію къ нему—но несчастнаго бѣглеца, потерявшаго все, что у него было, и не сдѣлавшаго ничего, что унижало бы его нравственный характеръ въ моихъ глазахъ, и имѣющаго право, въ силу давняго знакомства и собственныхъ несчастій, на мою личную любезность и вниманіе. Въ такомъ положеніи и при такого рода условіяхъ князь Чарторыйскій пожелалъ видѣть меня, а я предложилъ ему прибыть въ Шинъ (Sheen) и остаться тамъ пообѣдать какъ разъ въ тотъ день, когда и Пальмерстонъ заранѣе былъ приглашенъ. Все это выросло во враждебный образъ дѣйствія, впервые проявленный Англіей по отношенію къ Россіи въ теченіе долгаго періода девятнадцати лѣтъ.... Я конечно знаю всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на меня въ качествѣ министра короны, и, надѣюсь, исполняю ихъ сознательно, по крайней мѣрѣ, я тремлюсь къ тому. Но я не могу допустить, чтобы онѣ ограничивали меня въ дѣлѣ, касающемся моихъ частныхъ отношеній въ обществѣ".

Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что кабинетъ Грея далеко не былъ такъ настроенъ въ пользу „англо-русскаго союза", какъ то кажется съ перваго взгляда, и какъ этого желалъ Грей отчасти по личнымъ убѣжденіямъ, а можетъ быть и подъ вліяніемъ ловко-дѣйствовавшей княгини Ливенъ. Нужно помнить, что въ кабинетѣ Грея министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Пальмерстонъ, замѣшанный въ цѣломъ рядѣ дѣй-

ствій, которыя императорскій кабинетъ могъ считать прямо враждебными. Съ его вѣдома издавался Portfolio[1]) въ Лондонѣ, сдѣлана была попытка поднять уже покоренныхъ горцевъ на Кавказѣ, подъ его руководствомъ дѣйствовалъ первое время (до 1838 г.) Уркгартъ, его же ближайшимъ помощникомъ былъ Вильямъ Стрижвейсъ (впослѣдствіи графъ Ильчестерскій), старый пріятель Адама Чарторыйскаго. Въ Петербургѣ знали о различіи взглядовъ Грея и Пальмерстона и съ своей стороны принимали кое-какія предохранительныя мѣры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отправленіе въ Петербургъ лорда Дургама и характеръ его миссіи. Виды императора Николая.

Въ серединѣ 1832 года Грей отправилъ въ Петербургъ съ спеціальной миссіей лорда Дургама—своего зятя, женатаго на Елизаветѣ—старшей дочери лорда. Истинная цѣль этой миссіи до сихъ поръ оставалась не выясненною. 27 іюня Times возвѣщалъ, что Дургамъ отправленъ будто-бы съ тѣмъ, чтобы хлопотать за поляковъ въ Петербургѣ. Другіе предполагали (и это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе), что великобританскій кабинетъ желалъ заручиться поддержкою С.-Петербургскаго двора, дабы общими силами побудить голландскаго короля къ признанію независимости Бельгіи. Можно думать, что рѣшеніе бельгійскаго вопроса скорѣе занимало Пальмерстона, тогда какъ Грей желалъ успокоить русскій кабинетъ въ особенности послѣ тѣхъ бурныхъ сценъ,

---

[1]) Portfolio представляетъ собою періодическое изданіе дипломатическихъ документовъ въ 45 № вышедшихъ въ Лондонѣ съ 28 ноября 1835 года по 27 мая 1837 г. Документы эти представляютъ собою по большей части копіи донесеній, которыя составлялись русскими дипломатическими агентами заграницею и препровождались въ Варшаву для доклада Великому Князю Константину Павловичу. Документы хранились въ Бельведерскомъ дворцѣ и были захвачены тамъ во время возстанія [нѣкоторые утверждаютъ, что ихъ выдалъ Губе, секретарь-референдарій (р. 1779 ум. 1840)], а въ Лондонъ были привезены Чарторыйскимъ и его племянникомъ Замойскимъ (быв. адъютантомъ В. К. Константина Павловича) и обнародованы Уркгартомъ. Въ концѣ іюля 1838 года на страницахъ Times'а Уркгартъ доказывалъ, что Пальмерстонъ причастенъ къ этому изданію. Пальмерстонъ отрекался, но приводилъ доказательства, не отличавшіяся убѣдительностью. Съ этого времени прежніе единомышленники сдѣлались отчаянными врагами, и до конца жизни Уркгартъ не переставалъ метать стрѣлы въ Пальмерстона.

какія имѣли мѣсто въ засѣданіи палаты общинъ 28 іюня, когда внутренняя политика Россіи подверглась рѣзкому осужденію, выраженному при томъ въ неприличной и оскорбительной формѣ. Княгиня Ливенъ желала только, чтобы Дургама „сердечно приняли“ въ Петербургѣ. Лордъ Грей возлагалъ увѣренность, что Дургаму, быть можетъ, удастся разсѣять предубѣжденія противъ кабинета виговъ, раздѣляемыя въ Петербургѣ, а также убѣдить и другіе кабинеты—Берлина и Вѣны—, что англійское правительство вовсе нельзя считать другомъ агитаторовъ и революціонеровъ (of convincing them that this Whig Administration is no friend of agitators, and revolutionists).

5 (17) іюля лордъ Дургамъ прибылъ въ Кронштадтъ, и какъ разъ въ то время, когда тамъ находился императоръ Николай, производившій смотръ части военнаго флота. Узнавъ о пріѣздѣ лорда, императоръ отправилъ къ нему одного изъ своихъ офицеровъ съ приказаніемъ передать лорду желаніе Государя „принять его какъ частное лицо и познакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ лордъ Дургамъ представитъ свои вѣрительныя грамоты въ качествѣ посла“. Какъ сообщаетъ Грей, Дургамъ немедленно исполнилъ полученное имъ милостивое приглашеніе Государя, прибылъ на императорскую яхту и велъ продолжительную бесѣду съ императоромъ „главнымъ образомъ по дѣламъ, касавшимся Бельгіи“. Лордъ Дургамъ встрѣтилъ сердечный и въ высшей степени радушный пріемъ со стороны Государя и былъ глубоко тронутъ его вниманіемъ. Нѣсколько дней спустя лорда Дургама приглашали ко двору въ Петергофѣ и тамъ относились къ нему также съ предупредительной любезностью. Бекендорфы, Чернышевъ, Орловъ и Нессельроде оказывали лорду особенное вниманіе.

Принявъ такъ любезно близкаго родственника Грея[1]), императоръ

---

[1]) 6 августа 1832 г. кн. Ливенъ писала къ Грею: „Послѣ нашей встрѣчи, дорогой лордъ, я получила еще нѣсколько писемъ изъ Петербурга, помѣченныхъ 28 іюля. Мнѣ сообщаютъ дальнѣйшія подробности о пріемѣ лорда Дургама при нашемъ дворѣ. Одинъ и тотъ же вопросъ постоянно повторяется: „Доволенъ ли лордъ Грей (Js lord Grey satisfied?)? ибо его мы постоянно имѣемъ въ виду, когда выражаемъ наше уваженіе и благорасположеніе къ его зятю и дочери“. Грей понималъ это и отвѣчалъ княгинѣ: I should indeed be most ungrateful if I could be insensible to the consideration for myself, and to the Kindness and condescension which have marked the Emperor's reception of Lord Durham (Aug. 9, 1832).

Николай тѣмъ самымъ выражалъ ему свое одобреніе и свою благодарность, считая англійскаго премьера благорасположеннымъ къ себѣ и желая найти въ немъ противовѣсъ вліянію политиковъ въ родѣ Пальмерстона и его ближайшихъ товарищей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Назначеніе Стратфорда Каннинга посломъ въ С.-Петербургъ. Отказъ Государя принять С. Каннинга въ званіи посла. Злоба Пальмерстона. Отозваніе князя Ливена изъ Лондона.

Въ то время, какъ лордъ Грей утѣшалъ себя вновь установившимися дружественными отношеніями между нимъ и русскимъ императоромъ, лордъ Пальмерстонъ лелѣялъ въ душѣ свои планы и дѣйствовалъ въ совершенно противоположномъ направленіи. Онъ начиналъ уже опасаться вліянія Россіи на востокѣ, ея честолюбивыхъ замысловъ и возможнаго раздѣла Турціи (по соглашенію съ Австріей), онъ сталъ подозрѣвать Россію въ двуличной политикѣ по отношенію къ Голландіи, не могъ скрыть своего неудовольствія и по поводу усмиренія возстанія въ Польшѣ. Результаты миссіи Дургама были ему не по сердцу. Лордъ Дургамъ вернулся въ Англію (въ серединѣ октября 1832 года) такимъ же безпокойнымъ, какимъ онъ всегда былъ, но онъ теперь сторонникъ Россіи, а это еще опаснѣе. Тори Гейтсбюри былъ отозванъ якобы по разстроенному здоровью, кто же будетъ его преемникомъ въ Петербургѣ, а тамъ нуженъ былъ, по мнѣнію лорда, человѣкъ независимый. Этотъ вопросъ о назначеніи посла въ Петербургъ давно уже занималъ Пальмерстона. Когда Грей сдѣлался премьеромъ, Нессельроде просилъ княгиню Ливенъ похлопотать, чтобы лордъ Гейтсбюри оставался по прежнему англійскимъ посломъ въ Петербургѣ. „Conservez nous Heytesbury“ — писалъ онъ княгинѣ. Ливенъ просила Грея и Пальмерстона, и получила согласіе. Между тѣмъ, въ серединѣ 1832 года лордъ Гейтсбюри былъ отозванъ изъ Петербурга. Въ началѣ 1833 года, кандидатами на этотъ постъ въ лондонскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ считались Adair и Стратфордъ Каннингъ [1]) — англій-

[1]) С. Каннингъ лордъ Редлифъ двоюродный братъ извѣстнаго Георга Каннинга, род. въ 1786 г. и большую часть своей дипломатической службы провелъ въ Константинополѣ, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ Крымской войны и упадка русскаго вліянія на востокѣ. Умеръ 14 авг. 1880 года. О немъ см. The life of Lord Stratford de Redcliffe by Stanley Lane—Poole, popular ed. London 1890.

скій посолъ въ Константинополѣ, извѣстный своими симпатіями къ туркамъ и полякамъ. Тщетно Ливенъ упрашивала Грея исполнить когда то данное обѣщаніе относительно Гейтсбюри, хотя бы въ знакъ личнаго къ ней расположенія лорда—ничто не помогало. Этого мало. Узнавши о предполагавшемся отправленіи Каннинга въ С.-Петербургъ, Нессельроде писалъ къ княгинѣ Ливенъ: „не допускайте, чтобы только назначили Каннинга. Это самый невозможный человѣкъ, soupçonneux, pointilleux, défiant. Онъ былъ лично невѣжливъ къ Государю, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Короче сказать, его не примутъ, и потому желателенъ былъ бы кто либо другой". Княгиня Ливенъ передала эти слова лорду Пальмерстону, и лордъ согласился, но затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе и заявилъ, что все таки Стратфордъ Каннингъ будетъ отправленъ въ Петербургъ, о чемъ даже оффиціальнымъ образомъ возвѣстила the London Gazette. Русское правительство, какъ и слѣдовало ожидать, отклонило назначеніе Каннинга самымъ положительнымъ образомъ. Будучи уже знакомъ съ политикою Каннинга въ Константинополѣ по отношенію къ Россіи, императоръ Николай выразился о Стратфордѣ Каннингѣ, что „это человѣкъ, который видитъ измѣну подъ каждымъ стуломъ" (Stratford is a man who sees treachery under every chair).

Оставляя въ сторонѣ оффиціальныя представленія по этому поводу Нессельроде и Ливена и слѣдовавшія за ними пренія въ кабинетѣ, замѣтимъ, что въ концѣ концовъ Каннингъ, именуемый посломъ при Его Величествѣ императорѣ Всероссійскомъ (Ambassador to the Emperor of all the Russias?!) былъ посланъ съ временной миссіей въ Мадридъ[1]).

Злоба Пальмерстона на княгиню Ливенъ незнала предѣловъ. Лордъ чувствовалъ себя пораженнымъ и никогда не могъ простить княгинѣ Ливенъ ея вмѣшательства въ это дѣло. Онъ хорошо зналъ, что княгиня дала обѣщаніе Нессельроде не допускать назначенія Каннинга, лорду было извѣстно также, что Ливенъ жаловалась на него Грею, и что она же заставила кричать объ этой исторіи и лорда Дургама. Пальмерстонъ

---

[1]) Лишь въ 1841 году Стратфордъ вернулся снова въ Константинополь и оставался тамъ до конца 1857 года. 12 іюля 1858 года Стратфорда смѣнилъ сэръ Генрихъ Литтонъ Бульверъ.

рѣшилъ отомстить *княгинѣ* и *ея двору* [1]), и съ этого времени (съ февраля 1833 года) Пальмерстонъ не выносилъ пребыванія Ливеновъ въ Лондонѣ.

Прошелъ цѣлый годъ, а Пальмерстонъ и не думалъ отправлять кого бы то ни было посломъ въ Петербургъ. Русскій дворъ счелъ себя вынужденнымъ отозвать князя Ливена изъ Лондона [2]).

Съ горькимъ сожалѣніемъ оставила княгиня Англію. 6 августа (1834) Ливенъ прибыла въ Гамбургъ, а черезъ двѣ недѣли была уже въ Петербургѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣдніе годы переписки кн. Ливенъ съ гр. Греемъ (1834—1841).

Въ концѣ іюля 1834 года произошла смѣна министерства: Грей уступилъ свое мѣсто Мельборну и болѣе уже не возвращался къ власти. Съ 1834 и до 1841 прежнія отношенія лорда къ княгинѣ не измѣнились, прежняя дружба сохранилась между ними, но ихъ переписка не представляетъ такого интереса, какъ въ предшествующіе годы.

Буря, вызванная парламентскою реформою, прошла, и теперь удрученный годами, но все еще бодрый старикъ могъ отдохнуть. Удалившись отъ управленія государственными дѣлами, Грей не пожелалъ оставаться въ шумной столицѣ и переселился въ свое деревенское помѣстье—Гоуикъ. Изрѣдка навѣщалъ онъ Лондонъ, очень рѣдко выступалъ съ рѣчью въ палатѣ лордовъ и почти не показывался при дворѣ.

Незамѣтно и постепенно слабѣютъ прежнія политическія связи съ друзьями, и нѣкоторые изъ нихъ стали забывать стараго товарища. Политика не представляетъ для Грея прежняго интереса, старый лордъ живетъ въ Гоуикѣ своими воспоминаніями, а о текущихъ событіяхъ черпаетъ свѣдѣнія преимущественно изъ газетъ. Княгиня Ливенъ уѣхала въ Россію, но она по прежнему продолжала жить душою въ Лондонѣ.

---

[1]) Both *she* and her *Court* wanted to be taken down a peg.

[2]) Достигнувъ своей цѣли, Пальмерстонъ съ притворнымъ сожалѣніемъ пишетъ Мельборну (27 іюня 1834 г.): „съ Россіей мы находимся въ прежнихъ отношеніяхъ, споримъ и готовы поссориться—Ливены уѣзжаютъ отсюда въ теченіе двухъ недѣль. По частнымъ причинамъ мнѣ очень жаль лишиться старыхъ друзей и пріятныхъ членовъ общества, но изъ государственныхъ соображеній это утрата небольшая“. Ashley I, 306.

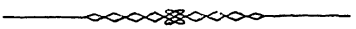
Она долгое время не могла забыть страну, гдѣ провела лучшіе годы своей жизни, и друзей, среди которыхъ вращалась болѣе двадцати лѣтъ. Въ Россіи она занимала видное положеніе при дворѣ, ея супругъ былъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, но Ливенъ не считала себя счастливой въ Россіи, и на всѣхъ ея письмахъ изъ Россіи лежитъ отпечатокъ грусти. Прежняя сердечность дышетъ въ нихъ. Княгиня по прежнему дѣлится съ лордомъ политическими новостями и собственными впечатлѣніями, въ его дружбѣ ищетъ утѣшенія въ минуты семейныхъ невзгодъ и несчастій. Лишившись двухъ сыновей—Артура и Георга—Ливенъ уѣзжаетъ заграницу. Въ Парижѣ [1]) получаетъ извѣстіе о смерти своего супруга, умершаго въ Римѣ 29 декабря 1838 года, и съ этого времени она болѣе и не думаетъ возвращаться въ Россію. Въ Парижѣ такъ же, какъ когда то въ Лондонѣ, вокругъ княгини Ливенъ собираются звѣзды литературнаго и политическаго міровъ. У нея бывали: Гизо [2]), Тьеръ, Моле, Поццо ди Борго, Талейранъ и его племянница Дино. Съ Талейрономъ княгиня подружилась, когда тотъ былъ еще посломъ въ Лондонѣ и такъ же сильно ненавидѣлъ Пальмерстона въ душѣ, какъ и княгиня Ливенъ. Князя Талейрана продолжала навѣщать Ливенъ и въ послѣдніе дни его жизни. „Здоровье Талейрана слабѣетъ—пишетъ Ливенъ Грею 24 мая 1836 года—но онъ по прежнему продолжаетъ любить политику и общество, и когда пробьетъ его послѣдній часъ, вы увидите, онъ умретъ съ газетою въ рукахъ“. Эту печальную вѣсть Ливенъ возвѣстила Грею 18 мая 1838 года. „Сегодня я должна объявить вамъ смерть Талейрана, наступившую вчера, въ 4 часа пополудни. Онъ сохранялъ сознаніе до послѣдней минуты. Вчера утромъ подписалъ письмо къ папѣ, въ коемъ отрекался отъ своихъ убѣжденій. Талейранъ получилъ отпущеніе грѣховъ, и церковь теперь съ похвалою превозноситъ его имя. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній актъ его жизни былъ ему продиктованъ одними политическими разсчетами, онъ видѣлъ, что было бы полезно подать подобный примѣръ. Благочестивые люди го-

---

[1]) Княгиня Ливенъ жила въ Парижѣ съ сентября 1835 года.

[2]) Гизо былъ въ особенности близокъ къ княгинѣ Ливенъ. Будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ (съ 29 октября 1840 г.), Гизо по нѣсколько разъ въ день заходилъ къ Ливенъ, и сообщалъ ей политическія новости дня.

ворятъ, что Господь просвѣтилъ его разумъ, у меня же свои сомнѣнія на этотъ счетъ“ [1]).



[1]) Княгиня Ливенъ оставалась въ Парижѣ до февральскихъ событій 1848 года, когда революція разсѣяла ея друзей, и самой княгинѣ пришлось скрываться въ Парижѣ и затѣмъ подъ чужимъ именемъ (госпожи Робертсъ) бѣжать въ Лондонъ. Изъ Англіи Ливенъ вернулась въ Парижъ въ октябрѣ 1849 года, гдѣ снова въ ея салонахъ стали собираться извѣстные имперіалисты. Въ виду крымской войны Ливенъ (какъ и прочіе русскіе подданные) должна была выѣхать изъ Парижа по требованію французскаго правительства, и въ февралѣ 1854 года она уѣхала въ Брюссель. Находясь въ Бельгіи Ливенъ сдѣлала попытку получить разрѣшеніе у французскаго императора вернуться въ Парижъ. Наполеонъ III согласился, но черезъ происки англійскаго посла Коули (Cowley) Валевскій (см. о немъ выше стр. 17 прим. 3) настоялъ на томъ, что разрѣшеніе взято было обратно. Тогда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Ливенъ заявила, что ей необходимо было побывать въ Парижѣ проѣздомъ на пути въ Ниццу и посовѣтоваться съ докторами по поводу своего разстроеннаго здоровья. Разрѣшеніе на этотъ разъ было получено, и въ самомъ началѣ 1855 года Ливенъ была уже въ Парижѣ, гдѣ и провела послѣдніе годы жизни. Княгиня Ливенъ скончалась 27 января 1857 года. За нѣсколько часовъ до своей смерти, окруженная заботами Гизо и своего сына Павла, она проситъ ихъ оставить ее и не быть свидѣтелями ея мукъ и предсмертной агоніи. Затѣмъ, собравши послѣднія силы, она взяла карандашъ и написала къ Гизо слѣдующія прощальныя слова: „Mercі pour vingt années d'amitié et de bonheur. Ne m'oubliez pas, adieu, adieu“.